

M. Loose

ПОЗДНЕАНТИЧНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ДУАЛИЗМА

Сенсационное открытие библиотеки раннехристианских гностических писаний в Верхнем Египте в 1945 или 1946¹ году не открыло глазам исследователей доселе неведомого мира. Работы отцов-"ересиологов" предоставляют достаточно свидетельств, чтобы разобраться в почти безнадежном смешении мифов, отражающих в той или иной степени идеи различных гностических школ и групп первых столетий нашей эры. В основание этих разнообразных верований положено неведомое классической древности негативное отношение к миру². Мир изменился, и люди чувствовали себя потерянными и сбитыми с толку. Они жили в огромной империи, чья обременительная административная система истощала их силы и предохраняла от полёта фантазии³. В философии того времени проявилась эскапистская тенденция, другим аспектом развития стало возрождение мистерий⁴. Новый Завет, особенно писания Павла и Иоанна, свидетельствует об отвержении христианами "космоса", в котором они жили только по принуждению, тогда как их мысль была сосредоточена на "мире грядущем"⁵. Нигде, однако, чувство отчуждения не было столь сильным, как в гностической мысли. Поэзия гностических общин отражает чувство ужаса, вызванного идеей вечности времени, неумолимо повторяющегося в циклах небесных тел⁶. Вместо смирения перед "Имарменой" – роком, неотвратимо правящим миром и человеческими судьбами, происходит открытое восстание, дерзновенно бросающее вызов многим общепринятым ценностям. Древние звёздные боги стали демоническими силами, окружившими и поработившими мир. Еврейский Яхве, бог Ветхого Завета, оказался среди них и даже самым свирепым из них. Видимый мир, космос, бывший для эллинов объектом эстетического восхищения, стал обиталищем властей Зла, местом отчаяния, в которое не проникает ни один луч света.

Человеческая душа заперта в этой темнице мира, заключена во мраке вещества, но происходит она совсем из иного места, из вне-временного мира, из светлого жилища Иного Бога, о Котором земной мир и его властители не имеют и понятия. Душа причастна самой сущности этого Неведомого Бога, но в материальном мире она утратила понимание своей тождественности. Мир смутил её своим шумом, отравил её своим ядом, парализовал её и усыпил, и душа забыла, откуда она пришла. Пробудить её может только *гнозис*, знание, пришедшее свыше и являющееся только ожившей памятью о её происхождении. Неведомый Бог приходит на землю в облике Спасителя; Он проходит через планетарные сферы и приносит душе это знание – душа часть Его сущности, и, таким образом, Он спасает Себя Самого. Эта "история души", ускользающей из временных оков с помощью спасающего познания своей вечной сущности, сближает гностическую мысль с мыслью мистериософии⁷. Приняв это сверхъестественное откровение, душа непрерывно тоскует об утраченном доме. Образ этого неведомого, но лучшего мира становится единственной реальностью –

¹ См. *H.-C. Puech*, Les nouveaux écrits gnostiques découverts en Haute-Egypte (Premier inventaire et essai d'identification), в: *Coptic Studies in Honor of Walter Ewing Crum* (Boston, Mass., 1950), 91 – 154; *Doresse*, Secret Books; *H. Jonas*, Gnosis und spätantiker Geist I, Göttingen 1964³, 377 ff. Библиографические сведения о текстах регулярно публикуются в *Byzantinische Zeitschrift* (4 В: Apokryphen).

² *Jonas*, op.cit., 140 ff.

³ См. *Simone Pétrement*, Le dualisme chez Platon, les gnostiques et les manichéens, Paris, 1947, 158.

⁴ См. обзор А.Д.Нока первого издания Йонаса в *Gnomon* 12(1936) 605-612. Ср. *E.v.Ivánka*, Religion, Philosophie und Gnosis: Grenzfälle und Pseudomorphosen in der Spätantike, в: *Le origini dello gnosticismo*, Colloquio di Messina 13 – 18th April 1966, Leiden 1967, 319.

⁵ Ссылки даны *H.Sasse*, в: *G.Kittel*, Theol. Wörterbuch zum Neuen Testament III, 884 ff. Ср. *Pétrement*, op.cit., 208 ff.

⁶ *Jonas*, op.cit., 94 ff.

⁷ См. *U.Bianchi*, Le problème des origini du gnosticisme, в: *Colloquio di Messina*, 9 ff.

что так ясно отражают трогательные гимны месопотамских мандеев. Осознание того, что его душа является частицей божественной сущности, высоко возносит человека над остальным миром, сколь бы смиренным ни было его положение в мире в данный момент. Именно поэтому неоплатоник Плотин так яростно нападал на гностиков; он верил, что каким бы несовершенным ни был материальный мир, тем не менее, он является эманацией Вечного Бытия⁸. Гностицизм объединяет с неоплатонизмом идея вертикальной нисхождения от совершенства к меньшему совершенству, но в гностической мысли это нисхождение становится результатом катастрофы, и, таким образом, с необходимостью принимает свойства мифа⁹. Гностики создали не философскую систему, а миф, предлагавший по существу один и тот же ответ на основные вопросы человеческого бытия. Это придавало гностической мысли очертания, которые нельзя спутать ни с чем иным, хотя отдельные элементы, использованные при построении этого мифа, были заимствованы из сокровищницы позднеклассического синкретизма (с заметным присутствием еврейских компонентов). Эти учения известны в огромном разнообразии форм. Внутри различных гностических школ ничто не сковывало индивидуальной спекуляции, что привело к появлению самых разнообразных толкований. Гностические школы не были изолированы от внешних влияний. Естественно, документы, открытые в Наг Хаммади в Египте, предоставляют множество иллюстраций того, как одна группа без колебаний заимствует у другой, и каждая усваивает инородные мифологические идеи. Та или иная община могла обладать весьма различными по характеру гностическими писаниями. Наиболее распространённой формой были апокалипсисы, видения, приписанные личностям, чьи имена иногда таинственны, но по большей части хорошо известны, как Зороастр (Заратустра), Адам, Сиф и другие ветхозаветные персонажи или апостолы. Открытие этих гностических текстов также помогло выявить точки соприкосновения между гностическими и манихейскими учениями и показать, как некоторые гностические писания использовались манихеями.

Манихейство – это отдельная религия, подобно буддизму и христианству. Её основатель Мани Хайа (216-277), рано порвал с элхсаитами¹⁰, сектой крестителей в Южной Вавилонии, к которой он принадлежал с детства, но сохранил их веру в то, что Спаситель возвращается на землю вновь и вновь, каждый раз в новом облике¹¹. Мани Хайа верил, что он сам является последним воплощением Спасителя, и был убеждён, что обладает полным и окончательным откровением истины. В действительности, в манихействе можно выявить элементы различных религиозных доктрин, но его сущностные характеристики берут начало в позднеантичной гностической мысли¹².

"История души" – это ариаднина нить, ведущая нас через лабиринт манихейского мифа, наполненного фигурами и событиями, заимствованными из разных источников, обладающими порой неоднозначной эстетической ценностью и меняющимися в зависимости от среды. Гностическая драма приобретает в манихейском учении оригинальный характер, смело соединяясь с иранскими представлениями о

⁸ См. *E.v.Ivánka*, *Plato christianus*, Einsiedeln 1964, 70 – 82.

⁹ См. *H.Jonas*, *Delimitation of the gnostic phenomenon – typological and historical*, в: *Colloquio di Messina*, 92 ff.

¹⁰ См. *A.Heinrichs – L.Koenen*, *Ein griechischer Mani-Codex*, в: *Zeitschrift f.Papyrol. u. Epigraphik* 5(1970) H.2, 97 – 216 + 3 Tab.

¹¹ Под "элхсаитами" в данном случае следует подразумевать ранних месопотамских мандеев (см. Р.Мацух. *Истоки мандеев. История мандеев вплоть до времени установления ислама. // Мандеи. История, литература религия*. СПб., 2002, 144-155). Представления о многократном возвращении Спасителя на землю в образе различных исторических лиц в мандейском учении отсутствуют. Возможно, в данном случае мы сталкиваемся с самостоятельно переработанной Мани Хайа гностической ("сифианской") мифологией. Ср. в исламе Мохаммеда, как "печать пророков". – прим.пер.

¹² Лучшие исследования манихейства находятся в следующих основополагающих исследованиях: *H.J.Polotsky*, *Abriss des manichäischen Systems*, Studdgart 1935, отдельный репринт из *Pauly – Wissowa*, *Realenciclopädie der klassischen Altertumswissenschaft*, Bd.VI, Sp.241 – 272, и *H.-C.Puech*, *Le Manichéisme. Son fondateur – sa doctrine*, Paris 1949.

противостоянии двух вечных сил. Манихейское мировоззрение основывалось на образе двух симметричных принципов, двух вечных владений: Духа и материи, Добра и зла – или Света и мрака, в духовном смысле. Мировая история следует трёхчастному ритму: сначала эти две области существуют рядом, но раздельно; затем настает момент, когда силы зла, ранее увлечённые внутренним конфликтом, обращаются против области Света. Первая битва заканчивается тем, что демоны Мрака заглатывают некоторое количество частиц Света, и этим начинается вторая эпоха, в ходе которой часть Света пребывает смешанной с Мраком. Это означает, что Дух заключён в материи, в неведении, в забвении. Силы области Света, однако, предпринимают новые усилия, борясь за постепенное освобождение пленённых частиц Света. Сотворение мира было частью этой величественной борьбы. Освобождение частиц Света происходило и происходит различными путями, и мир продолжит своё существование, пока все частицы не вернуться к своему вечному источнику. Тогда, вновь, две сферы будут разделены, как это было в начале.

Важно, что мир, с точки зрения манихеев, не был сотворён силами Зла, хотя они и присутствуют в нём, пытаясь помешать освобождению частиц Света. Так был создан человек¹³, и его душа – ничто иное, как свет, заключённый во мраке вещества. Хотя первый человек – Адам – был приведён от незнания к ясному осознанию своей природы по милости сил Света, люди продолжали грешить, и грех удерживал их в материи. Посланцы Истины, величайшим из которых был сам Мани Хайа, были посланы наставить людей об их истинной природе и показать, как следует проводить жизнь, чтобы освободить свои души и не остаться пленниками материи в последующих воплощениях. Необходимо избегать, насколько это возможно, всего, что увеличивает страдания божественной субстанции в мире – страдания, вызываемые не только убийством живых существ и растений, но даже просто движением по земле или по воде. Классу *избранников*, сформировавшемуся в Манихейской Церкви, было предписано отказаться от половых отношений и свести потребление пищи к необходимому для поддержания жизни минимуму. Гностическая идея освобождения души привела манихеев к необычайной строгости и сверхъестественному аскетизму. С другой стороны, она стала мощным источником вдохновения для поэзии, пения, музыки и живописи. Сегодня нас очаровывает красота миниатюр и каллиграфии их книг, также как и картины, украшавшие стены их церквей.

В значительной степени манихеи наследовали великим гностическим школам, чьи учения распространялись в христианских общинах Египта и Сирии, но мы можем найти много общих мифологических тем и идей в текстах, происходящих из широкого потока более раннего гностического предания, изначально не затронутого христианским влиянием¹⁴. Некоторые гностические тексты полностью свободны от христианского влияния, тогда как другие ясно показывают, как христианские элементы проникали в гностический миф на поздней стадии. В книге, описывающей тайны, открытые Апостолу Иоанну, фигура "Матери", как носительницы спасения, была позднее замещена фигурой Христа, и две версии были грубо соединены¹⁵. Иринеи, ортодоксальный богослов конца II века, несомненно, пользовался этим гностическим писанием, когда сочинял свою полемическую работу против гностиков. Их учение, пересказанное Иринеем в 29 главе I книги, обнаруживает замечательное

¹³ См. K.Rudolph, Gnosis und Manichäismus nach den koptischen Quellen, в: Koptologische Studien der DDR, в: Wissenschaftl. Zeitschr. d. Martin-Luther-univ. Halle-Wittenberg (1965) 156 – 190.

¹⁴ Непонятно, почему автор воспринимает "христианское влияние", как нечто внешнее по отношению к "раннему гностическому преданию". – прим. пер.

¹⁵ Эта гипотеза не нашла достаточного подтверждения в ходе дальнейшего исследования; вероятно, она основывается на неверном понимании содержания памятника, либо просто на неточном восстановлении повреждённого в рукописи текста – см. M.Waldstein, F.Wisse (eds). The Apocryphon of John. Synopsis of Nag Hammadi Codices II,1; III,1; and IV,1 with BG 8502,2. Nag Hammadi and Manichaean Studies XXXIII. Leiden, New York, Köln: Brill, 1995, 16. – прим. пер.

сходство с учением, изложенным в Апокрифе Иоанна¹⁶. Учение другой группы, описанное Иринеем в следующей главе, принадлежит к тому же типу, и его варианты можно видеть в недавно открытых коптских текстах – Ипостаси архонтов и Происхождении мира¹⁷. Везде мы находим Софию, небесную сущность, чья ошибка ввергает вселенную в катастрофу, приводящую к сотворению мира.

Это была традиция, вдохновлённая учениями великого гностика Валентина¹⁸, начавшего проповедь в Александрии и действовавшего в Риме со 135 по 165 год¹⁹. Учения, представленные в этих коптских текстах, охватывают, обычно в несколько хаотической форме, большое количество мифологических эпизодов; школа Валентина, с другой стороны, разработала ясную систему, сформированную простым умственным проецированием психологических феноменов на область сверхъестественного. Они различали три сущности: духовную (πνευματικός), душевную (ψυχικός) и материальную (ὀλικός) – разделение, бывшее типичным не только для этой школы – другие гностики также, подобно Фаусту Гёте, различали в человеке две души. Первая, обычно называемая "духом" (πνεῦμα), является основным элементом существа, его бессмертным ядром. Как мы уже знаем, это часть божественной сущности, искра Божества, пришедшая в своих скитаниях на землю.

Затем следует сумма качеств, приобретённых в этом мире, окружающих бессмертное ядро и формирующих душу (ψυχή), привязывающую человека к миру, в котором он живёт. Наконец, есть ещё внешний уровень, материальное тело, "плоть" (σάρξ, σῶμα). Материя, многообразная и текучая, переменчивая и тленная, отождествляется в гностической мысли с этическим злом. Эта особенность, присущая всем без исключения гностическим школам, присутствует также в манихействе. В дальнейшем она приспособляется к иранской религиозной традиции, так что принцип Зла, Мрака, отождествлённый с материей согласно гностической концепции, мыслится как вечная и активная сила, нападающая на область Света. Уже в гностической мысли мы часто сталкиваемся с идеей вечного существования материи, хотя только как пассивного элемента. Некоторые формы гностического мифа, напротив, не считают материю вечной, но предполагают, что она возникла, как результат грехопадения, свершившегося в сфере вечных духовных сил. Эту идею можно найти в Ипостаси архонтов и Происхождении мира, которые происходят из общего источника. София, один из эонов, порождение Высшего Бога, нарушила вечный порядок, посягнув на индивидуальный творческий акт. Результатом этого стала завеса, разделившая вселенную на два отдельных региона – света и тени. Тень, таким образом, и стала материей.

В системе валентинианской школы, усовершенствованной учеником Валентина Птолемеем, образ Софии раздвоился. "Первая София" – это последний в ряду эонов, составляющих Божественную Полноту (πλήρωμα) и в то же время, в порядке их нисхождения, представляющих уклонение от совершенства к несовершенству. Потрясение происходит на нижнем уровне, когда София, самый младший из эонов, нарушает гармонию Полноты своим невоздержанным желанием познать Вечное Таинство. Её страсть, выброшенная во внешнюю пустоту (κένωμα), в конце концов формирует новую Софию. В тоске по утраченному божественному свету эта вторая София испытывает те же страдания, что и её Мать до неё. Её духовные мучения, позднее забранные у неё Спасителем, обретают самостоятельное бытие, как психическая и материальная (ὀλικός) субстанция.

¹⁶ F.M.Sagnard, *La gnose valentinienne et le témoignage de Saint Irénée*. Paris 1947, 445.

¹⁷ "Ипостась архонтов" немецкий перевод Г.-М.Шенке в *Leipoldt - Schenke*, *Koptisch-gnostische Schriften aus den Papyrus-Codices von Nag-Hammadi*, Hamburg-Bergschtedt 1960, 69-78. "Происхождение мира" опубликовано в *A.Böhlig – P.Labib*, *Die koptisch-gnostische Schrift aus Codex II von Nag-Hammadi* (DAW – Inst. f. Orientforsch. 58) Berlin 1962.

¹⁸ Скорее наоборот – в Наг Хаммади сохранились относительно поздние коптские переводы тех самых откровений, на которые Валентин опирался в своём богословии. – прим.пер.

¹⁹ О валентинианском гнозисе см. фундаментальный труд Ф.М.Сагнара (прим 13 выше).

Творец видимого мира также принадлежит психическому элементу. Образ Демиурга у Валентина не демонический, в отличие от Демиурга, описанного в текстах, которые мы уже цитировали. Напротив, хотя и недобровольно, он является инструментом божественных сил и Софии, и мир, созданный им, это – в платоновском смысле – несовершенное отражение высшего духовного мира.

Гнозис в учении Валентина вновь демонстрирует глубокое различие концепций спасения у гностиков и у других христиан. Спасение дарует гнозис, а не вера. В системе Птолемея гнозис сначала приходит к зонам, потрясённым трагедией первой Софии. Новый Эон, Христос, наделяет их знанием о недостижимости Божества, и этим возвращает Полноту к миру и гармонии. Затем Полнота производит новое рождение – Спасителя (Иисуса), Который приносит гнозис второй Софии и этим утешает её печали. Вид ангелов в свите Спасителя заставляет вторую Софию произвести духовное семя, которое помещено в видимый мир. Это семя – души избранных (πνευματικοί), женственные супруги ангелов, подобно самой Софии, невесте Спасителя, и подобно Полноте, состоящей из "пар" эонов. Гнозис, получаемый избранными в школе Валентина, приводит духовное семя к совершенству, так что после смерти, освобождённые от психической и илической оболочек, эти души могут наконец войти в Полноту. Там они соединятся со своими ангелами, как и их Мать София, которая отпразднует свою свадьбу со Спасителем.

Даже вторая категория людей (ψυχοί) может достичь подобия спасения посредством веры и добрых дел. Конечно, это будет лишь тусклым отражением истинного блаженства избранных, так же, как Демиург и его мир являются лишь бледными подобиями сверхъестественной реальности. Эти "психики" были простыми христианами, среди которых жили валентиниане.

Люди третьей категории, отождествлённые с язычниками, были после своей смерти обречены безвозвратной гибели. Это были ὄλκοί, χοίκοί, безвозвратно пойманные материей, предопределённой к уничтожению.

Откровение гнозиса, как сверхъестественного знания, приписывалось гностическими группами различным пророкам²⁰, но валентиниане связывали его с пришествием в мир Христа. В их учении присутствует не только Христос или Спаситель из абстрактной сферы эонов, но и исторический Иисус, Чья история рассказана в Евангелиях²¹. Тем не менее, гностический взгляд на материю не позволял валентинианам принять Его воплощение, и они обращались к идее, что рождение и смерть Христа были только кажущимися (докетическая христология)²².

Такие великие гностики, как Василид, Валентин и их ученики изначально были членами христианских общин, старавшимися остаться внутри их ограды и заявлявшими, что их гнозис является истинным смыслом христианства. В действительности, однако, они придавали форму христианства идеям, во многом ему чуждым²³. В конце концов они были изгнаны из христианской общины, как только она организовалась более чётко и приняла необходимость прочного основания догмы.

Для Иринея, писавшего в конце II века, гностицизм был очень реальной угрозой. В своём собственном Лионском диоцезе он вынужден был сталкиваться с "ложными" доктринами, находившими поддержку в основном в высшем обществе, а первое поколение учеников Валентина было современниками этого отца церкви. Иринея направлял свою полемику также и против других учителей "ереси", среди

²⁰ См. *Doresse, Secret Books*, 146 ff.

²¹ См. *H.I. Marrou, La théologie de l'histoire dans la gnose valentinienne*, в: *Colloquio di Messina*, 215-226, esp. 221ff., и исследование на стр. 225f.

²² Докетическая христология имеет смысл только в том случае, если отвергается реальность всей материи в целом. С ней не следует путать достаточно широко распространённое признание плоти Христа иноприродной стихиям материального мира и "бесстрастной", то есть не подверженной страданиям и тлению. – прим. пер.

²³ Данное утверждение мы оставляем на совести автора. Отметим лишь, что экстраполяция в начало II столетия привычной нам ортодоксальной модели христианства, окончательно сформировавшейся уже после эпохи Вселенских соборов, является очевидным анахронизмом. – прим. пер.

которых выделялся Маркион²⁴, сын синопского епископа²⁵. Маркион был в Риме в то же время, что и Валентин. Не согласившись с римской общиной, он основал собственную могущественную церковь, в течение многих лет остававшуюся наиболее серьёзной, и даже единственной серьёзной угрозой для ортодоксальной модели христианства. Маркион довёл учение Апостола Павла до его логических выводов. Слова "древнее прошло, теперь всё новое" он понял в том смысле, что Евангелие полностью замещает Ветхий Завет. Однако, Маркион не мог преодолеть гностического дуализма²⁶: он перенёс противоречие между новой религией любви, проповеданной Христом, и неумолимой суровостью Ветхого Завета в область метафизики. Нет оснований сомневаться в традиционном утверждении, что Маркион находился под влиянием сирийского гностика Кердона²⁷, которому Иринею приписал те же дуалистические верования, отличающие бога-творца Ветхого Завета от Отца Небесного, проповеданного Иисусом Христом. Злая материя как принцип, вечный и несотворённый, занимает своё место в учении Маркиона, но основной упор делается на противоречие между двумя божествами. Маркион не различает трёх сущностей - духовной, душевной и материальной; бог мира сего не похож на платоновского Демиурга и не сотворил мир по образу мира высшего. Маркион не объясняет его происхождения; и творец, и Неведомый Бог незримого мира существуют независимо друг от друга, и бездна между ними непреодолима. Согласно Маркиону, бог мира сего не является демоном зла, отцом злых архонтов планетарных сфер и в то же время высшим из них - описанным многими гностическими группами существом, похожим на мрачные образы иранских мифов и отождествлённые с иудейским богом-творцом. Для Маркиона он является только богом Ветхого Завета, тогда как создатель зла - дьявол - просто его творение. Фундаментальная характеристика творца - это справедливость в ветхозаветном понимании, беспощадная справедливость тирана, часто оборачивающаяся открытой враждебностью. Слабость и несовершенство этого бога очевидны, и именно он несёт ответственность за все поражения и несчастья человеческой жизни. Человек безраздельно принадлежит этому творцу, создавшему его тело и вдохнувшему в него душу. Таким образом, Маркион отвергает важную гностическую идею, что душа является частицей божественной сущности и что, спасая душу, Бог спасает Себя Самого. Бог Маркиона не только Неведомый, но и Чуждый. Он не имеет ничего общего с человеком и спасает его из заточения просто по Своему милосердию. Однако, спасена будет только человеческая душа - тело, сформированное из материи, которая является злом, сгниёт. Здесь вновь взгляды Маркиона возвращаются к идеям гностиков.

Подобно остальным раннехристианским учителям, Маркион - модалист. Для него во Христе открыл Себя Бог-Отец. Он не может принять действительности воплощения Христа, поскольку Бог не может обитать в недостойном веществе. Но он не обращается и к толкованию, что рождение Иисуса было только кажущимся. Согласно Маркиону, Иисус не появлялся до пятнадцатого года правления Тиберия; Он проповедовал истинного Бога, о Котором не только человечество, но и сам творец не знали ничего.

С другой стороны, Неведомый Бог с самого начала знал о существовании творца, как несравнимо низшего бога, ограниченного видимым миром, который он

²⁴ Лучшей монографией о Маркионе остаётся *A. von Harnack, Marcion: Das Evangelium vom fremden Gott*. Следует отметить, однако, что критика представлений фон Гарнака о Маркионе присутствует в: *H. von Soden, ZKG 40 (1922) 191-206*. Ср. *E. C. Blackman, Marcion and his influence*. London, 1948.

²⁵ Епископ в *Синопе* в первой половине II века - также явный анахронизм. - прим.пер.

²⁶ Гностический дуализм оказал на Маркиона более глубокое влияние, чем предполагал фон Гарнак. См. *v. Soden, l.c., 204*. О противопоставлении Ветхого и Нового Заветов у Маркиона и у гностиков см. *Sagnard, op.cit., 75*.

²⁷ Такие основания всё-таки есть. Объективно оценивая правдивость Иринея, нельзя утверждать, что "сирийский гностик Кердон" хотя бы существовал в действительности, но если всё же существовал и даже был знаком с Маркионом, сами свидетельства отцов-"ересиологов" не позволяют предположить, что Маркион опирался на какие-либо источники помимо Апостола и Евангелия. - прим.пер.

и сотворил по собственному образу. Борьба была неравной, и Неведомому Богу не составляло труда достичь земли в образе Христа. Поскольку Его сущность – любовь, Он не воспользовался Своим преимуществом, чтобы насильно отнять человечество у творца, но буквально выкупил человечество ценой Своей смерти на кресте. Страдания и смерть Христа были действительными, хотя Его тело – просто иллюзия. Этот непоследовательный докетизм не был чем-то необычным во времена Маркиона. Раннехристианское представление, что Христос сходил в ад, также живо в его учении – этим Христос принёс спасение предыдущим поколениям, знавшим только творца и его Закон. Тем не менее, не все были готовы принять спасение – язычники и грешники, осуждённые богом иудеев, последовали за победоносным Спасителем, тогда как "праведники" Ветхого Завета остались верными творцу, наградившему их пребыванием в аду. Парадоксальным следствием этого стало спасение Каина, но не Авеля.

Единственным путём спасения для живых стала вера в Неведомого и Чуждого Бога, перед Которым человек не должен трепетать в страхе. Вера в Этого любящего Бога, явившегося во Христе, возносит душу на сверхъестественную высоту, куда грех не может проникнуть и где суровые заповеди Ветхого Завета умягчаются, как нечто очевидное, на что не стоит обращать особого внимания. Чуждый Бог, однако, есть Бог мира, который придёт, когда прейдут мир сей и его владыка. В мире сем человечество полностью отдано гневу творца; в мире сем, также, иудейские лжеапостолы исказили учение Христа, фальсифицировали Евангелия и послания Апостола Павла. Маркион взялся очистить писания, и делал это с неуклонной последовательностью, не останавливаясь и перед самыми насильственными толкованиями²⁸. После смерти Маркиона его ученики представляли его сидящим вместе с апостолом Павлом рядом со Христом, но сам он говорил, что был всего лишь смиренным учеником Павла.

Маркионитская церковная организация походила на остальные христианские общины того времени и управлялась епископами и диаконами. В отношении ритуала и церковного устройства она кажется даже более простой, не имеющей преград между клиром и народом. Поддерживался подлинно христианский образ жизни с утверждением строгого аскетизма. Маркион так же отрицательно воспринимал снисходительность к плоти, происходящей из злой материи, как и кровопролитие, о котором так много написано в Ветхом Завете. Всё, служащее усилению плотской стороны человеческой жизни, должно быть сведено к абсолютному минимуму, и поэтому желательно воздерживаться от мяса и вина и хранить строгий пост. Маркион отвергал брак, и это показывает крайнее отвращение, которое он испытывал ко всей физиологической стороне человеческой природы. В то же время, это был открытый протест, направленный против бога-творца и препятствующий распространению его власти за счет увеличения количества людей.

Крещение и Евхаристия совершались в маркионитской церкви более или менее сходно с другими христианскими общинами и, вероятно, воскресное богослужение следовало тем же путём, так что христианин, приехавший в другой город, мог оказаться в маркионитской церкви просто по ошибке. Однако, эта церковь не могла долго сохраняться в городах - со времени Константина римский закон осуждал "ере-

²⁸ Традиционная точка зрения, опирающаяся на клевету отцов-"ересиологов", является ошибочной. В действительности, Маркион не редактировал ни посланий апостола Павла (см. P.-L.Couchoud. *La première édition de St.Paul. // Revue de l'histoire des religions*, mai - juin, 1926), ни Евангелия от Луки (см. J.Кнох. *Marcion and the New Testament. An Essay in the Early History of the Canon. Chicago, 1942*). В обоих случаях он пользовался оригиналами текстов, пространные версии которых, вошедшие в канон Нового Завета, были созданы уже в ходе антимаркионитской полемики. Единственным литературным произведением Маркиона были Антитезы (ἀντίθεσις - ср. 1Тим.6:20), состоявшие из цитат Ветхого Завета, противопоставленных цитатам Апостола и Евангелия. Нельзя прийти к определённом выводу, принадлежат ли перу самого Маркиона так называемые "маркионовы прологи" (A.v.Harnack. *Marcion: Das Evangelium vom fremden Gott. Eine Monographie zur Geschichte der Grundlegung der katholischen Kirche. Leipzig, 1924, 127-129*; Б.М.Мецгер. *Канон Нового Завета. Происхождение, развитие, значение. М., 1998, 95-97*). – прим.пер.

тиков", как нарушителей религиозного единства империи²⁹. Христианство стало господствующей религией при Феодосии I, и после этого "ересь" была признана преступлением, приравненным к государственной измене (закон Аркадия, Гонория и Феодосия II от 22 ноября 407 г.). Хотя маркиониты никогда определённо не упоминались в имперских конституциях, не может быть сомнений, что и они были затронуты преследованием. Постепенно они были изгнаны в сельские районы, где защититься было легче. В глухих деревнях остатки великой церкви сохранялись в течении очень долгого времени, и это объясняет удивительное возрождение маркионитства примерно в середине VII столетия, в форме нового движения – павликиан.

²⁹ См. *J. Cronq*, *La lutte contre l'hérésie en Orient jusqu'au IXe siècle. Pères, conciles, empereurs*. Paris, 1933; *Maisonneuve*, 30-34.